

Введение. Проблема травматического опыта в гуманитарных науках

В этой книге представлен авторский способ исследования травматического опыта в художественной литературе Великобритании. Обращение именно к английской литературе отчасти объясняется сферой научных интересов автора, отчасти тем, что проблема травматического опыта подробно проработана прежде всего в американской гуманитарной науке и культуре (здесь мы осознанно не пишем о национальной специфике отображения травматического опыта в литературе — хотя бы по причине многонациональности современной британской литературы, — однако есть ощущение, что отображение травматического опыта в литературе разных стран имеет свою специфику), а в отношении литературы Англии она не исследована так глубоко ни на уровне философии, ни на уровне литературоведения. Об этом писал нижегородский исследователь Ф. Николаи в 2018 году: «Еще раз подчеркнем важное различие: и в европейской, и в связанной с ней российской философской традиции проблематика травмы практически не обсуждается»¹. С этим утверждением можно согласиться, если сравнивать интенсивность обсуждения данной проблемы в американской и европейской науках, тем не менее в западной гуманитарной науке, в отличие от отечественной, этот процесс идет вполне интенсивно и к настоящему моменту выработалось представление о тотальной травмированности человека. Так, Джеффри Хартман, один из современных исследователей травмы в гуманитарных науках, говорит о том, что современный человек не просто делается нечувствительным к травме, а начинает нуждаться в травмирующей информации как в наркотике².

¹ Николаи Ф. Полемика о травме и памяти в американской философии культуры: дис. ... д-ра филос. наук. Н. Новгород, 2018. С. 8.

² Hartman G. Trauma Within the Limits of Literature // *European Journal of English Studies*. 2003. Vol. 7, Is. 3. P. 257: "The fact that stimulus-flooding scenes are now routine in the media, leads to a vicious cycle of escalation and desensitization, and is part of the contemporary problem. It is of moral concern because we fear the damage done to an habituated imagination that seeks out such scenes like a drug. The entire economy of the affections can become unbalanced."

Таким образом, значимость изучения проблематики травмы в современной культуре и литературе бесспорна, что и побуждает нас сосредоточиться на этой важнейшей сквозной для литературы рубежа XX–XXI веков теме.

С конца XX века в философии и культурологии сложилась традиция обсуждать социологические и культурологические проблемы, привлекая в качестве иллюстраций именно литературный материал. Так поступает, например Э. Саид в работе «Ориентализм» (1978)³, когда для демонстрации ориенталистского взгляда Запада на Восток рассматривает именно литературные произведения, в которых он раскрывается. Аналогичным образом строится исследование Б. Андерсона «Воображаемые сообщества» (1991)⁴ и множество других. Так поступают и отечественные социологи и культурологи, например В. Шнирельман⁵, А. Эткинд⁶ и другие, привлекающие литературный материал в качестве иллюстрации социокультурных наблюдений и теорий. В контексте современной моды на междисциплинарные исследования эта тенденция проникает и в собственно литературоведческие изыскания, однако для большинства литературоведов очевидно, что в том, как «ведет себя» та или иная проблематика в литературном произведении, есть своя специфика, внутренняя динамика, множество нюансов, обусловленных эпохой, внутренними тенденциями

³ Саид Э. Ориентализм. СПб.: Русский Мир, 2006. 636 с. Саид часто приводит в своих рассуждениях ориенталистские высказывания из произведений Р. Киплинга (с. 350–353). Дж. Элиот, Д. Лоуренс, Дж. Форстер, Г. Флобер, А. Ламартин — это лишь небольшая часть авторов, в чьих произведениях Э. Саид находит ориенталистские суждения.

⁴ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. Баньковской. М.: «КАНОН-пресс-Ц»; «Кучково поле», 2001. 288 с. Например, на с. 47 Андерсон приводит обширные цитаты из романа Хосе Рисаля «Не прикасайся ко мне» (1887). В ходе изложения он опирается на литературный материал, в частности, упоминает таких латиноамериканских авторов, как Г. Маркес (с. 242), Томас Мор, Свифт (с. 89), Диккенс и др.

⁵ См., напр.: Шнирельман В. Возвращение арийства: научная фантастика и расизм // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2008. № 6 (ноябрь — декабрь). С. 63–89.

⁶ Признан в РФ иноагентом. См.: Эткинд А. Э. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / авториз. пер. с англ. В. Макарова. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 448 с.

литературного процесса, личностью автора, наконец. Не учитывать все это — заведомо двигаться в направлении поверхностных суждений и выводов. В связи с этим выработка методологии литературоведческого исследования, посвященного изучению способов и закономерностей отображения травматического опыта в художественной литературе и того, как это меняет сами законы построения собственно литературного произведения, на наш взгляд, особенно актуальна.

В западном и, в гораздо меньшей степени, в отечественном литературоведении на сегодняшний день накоплено множество разнообразных точек зрения на тему репрезентации травматического опыта в художественной литературе. Позиция части теоретиков, которые, в определенной мере справедливо, говорят о том, что вся культура — это, по сути, отражение травматического опыта, позволяет крайне широко подходить к вопросу о репрезентации травматического опыта в литературе. Мы с некоторым предубеждением относимся к теоретическим экстраполяциям, обращенным в прошлое, однако полностью солидарны с тезисом, вынесенным в заглавие одного из разделов справочника по проблемам травмы издательства «Раутледж»: «Травма: продукт современности»⁷. С одной стороны, нельзя не согласиться с тем, что, например, литература «потерянного поколения» полностью посвящена отражению военной травмы целого поколения, с другой стороны, мы придерживаемся позиции, что именно после осознания и описания травматической проблематики в культуре и теории начинается настоящая «литература травмы». Вероятно, искать и находить травму в поэзии У. Блейка и С. Кольриджа, как это делает, например, Джеффри Хартман, тоже интересно, но нам представляется наиболее продуктивным рассматривать с этой точки зрения литературу начиная с конца 1980-х годов, когда эта тема начала обсуждаться теоретиками и авторы уже осознанно разрабатывают художественные способы репрезентации травмы.

В этом смысле нам близок подход Энн Уайтхед, автора одной из первых монографий о литературе травмы — «Литература

⁷ The Routledge companion to literature and trauma / ed. by C. Davis and H. Meretoja. Routledge, 2020. P. 13.

о травме» (2004), из университета Ньюкасла, которая рассматривает художественную литературу в связи с теорией. В аннотации к книге сказано: «Связь теории травмы и литературных текстов не только проливает свет на произведения современной художественной литературы, но и указывает на неотъемлемые связи между теорией травмы и литературой, которые часто упускаются из виду», и сама автор монографии буквально на первой странице говорит о значении влияния теории травмы на литературу⁸. Другая важная мысль Энн Уайтхед, которая нам также близка: «Эти показания не просто иллюстрируют теорию, они являются продолжением молчания самой теории»⁹, то есть литература, по мнению исследовательницы, значительно расширяет представление о возможностях трансляции и интерпретации травматического опыта.

Работа Энн Уайтхед посвящена репрезентации травмы в произведениях представителей разных национальных литератур¹⁰, она исследует произведения Пэт Баркер (1943), Тони Моррисон (1931–2019), Винифрида Зебальда (1944–2001), опираясь на теорию преимущественно представителей Йельской школы, прежде всего Кэти Карут, Шошаны Фелман и Джеффри Хартмана. В первой главе Энн Уайтхед рассматривает истории, в которых следы прошлых травм представлены в образах призраков (например, «Другой мир» (1998) Пэт Баркер и др.). Здесь опять же нельзя не согласиться с исследовательницей, которая считает, что в современной литературе истории о призраках превратились в способ исследования психологии травмы, а сами призраки воплощают травмы недавней истории¹¹. В этой же части она, опираясь уже на

⁸ Whitehead A. *Trauma Fiction*. Edinburgh University Press, 2004. 184 p. "The linking of trauma theory and literary texts not only sheds light on works of contemporary fiction, it also points to the inherent connections between trauma theory and the literary which have often been overlooked." (Перевод цитат из зарубежных статей и монографий здесь и далее мой, если не указано иное. — Л. Х.)

⁹ Ibid. P. 5: "Rather than simply illustrating the theory, the readings are an extension of the theory's own silences."

¹⁰ Whitehead A. *Trauma Fiction*. Edinburgh University Press, 2004. 184 p.

¹¹ Ibid. P. 7: "In contemporary fiction, then, the ghost story is reconfigured to explore the nature of trauma as psychological possession. The ghosts embody or incarnate the traumas of recent history and represent a form of collective or cultural haunting."

труды Дори Лауба и Шошаны Фелман, рассматривает произведения, в которых происходит взаимодействие нарратора и носителя травмы, в частности выбирая преимущественно те художественные тексты, где речь идет о последствиях Первой и Второй мировых войн. Интересными представляются наблюдения о связи травмы и пейзажа, которые исследовательница аргументирует, опираясь как раз на размышления Хартмана о поэзии Вордсворда. Во второй части книги Энн Уайтхед рассматривает связь проблематики травмы и памяти и истории, а также проблематику травмы в постколониальной литературе на примере романов Тони Моррисон и описывает литературные способы воспроизведения травматического опыта, такие как интертекстуальность, повторы и фрагментированный нарратив¹², на примере, в частности, романа «Аустерлиц» (2001) В. Зебальда. Монография привлекает своей основательностью, концептуальностью и единством подхода.

Такое же единство подхода демонстрирует работа Беаты Пёнтек «История, память, травма в современной английской и ирландской литературе» (2014)¹³. В своей монографии, которая является определенным итогом исследований, начавшихся с изучения творчества К. Исигуро, она подробно рассматривает романы английских писателей Пэт Баркер (трилогию «Возрождение» и другие), Кадзуо Исигуро (1954) («Там, где в дымке холмы», «Когда мы были сиротами»), ирландских писателей Себастьяна Барри (1955) («Долгий путь», «Скрижали судьбы» и др.) и Джона Бэнвилла (1945). Подробно объясняя свою позицию, исследовательница обозначает основную задачу: «Обсуждая их (произведения. — Л. Х.) вместе и сосредоточившись на

¹² Whitehead A. Trauma Fiction. Edinburgh University Press, 2004. P. 84: "The second half of this volume seeks to elaborate a structural approach to trauma fiction which emphasises recurring literary techniques and devices. I have argued above that trauma fiction relies on the intensification of conventional narrative modes and methods. There are, however, a number of key stylistic features which tend to recur in these narratives. These include intertextuality, repetition and a dispersed or fragmented narrative voice."

¹³ Piątek B. History memory, trauma in contemporary British and Irish fiction. Kraków: Jagiellonian University Press, 2014. 198 p.

взаимодействии между историей, памятью и травмой, я смогла предложить новую, оригинальную интерпретацию этих текстов»¹⁴.

Можно также отметить исследования по отдельным авторам, в частности, Стеф Крэпс в монографии «Травма и этика в романах Грэма Свифта: нет коротких путей к спасению» (2005)¹⁵ обозначает историю как ключевой элемент в анализе коллективной травмы.

Наиболее последовательно проблемой травматического опыта в британской и мировой литературе на современном этапе занимаются Сюзана Онега и Жан-Мишель Ганто, которые выступили редакторами целого ряда научных изданий, объединенных «травматической» проблематикой. В частности, в коллективной монографии «Этика и травма в современной британской художественной литературе» (2011)¹⁶ редакторы намечают основные вехи изучения проблемы травмы в гуманитарных науках и выделяют наиболее значимые аспекты ее исследования. В ней собраны статьи, посвященные различным компонентам освещения травматического опыта в романах Мартина Эмиса («Стрела времени»), Пэт Баркер («Возрождение»), Анджелы Картер, Алана Холингхерста («Линия красоты»), Иена Макьюэна («На берегу», «Искушение»), Майкла Муркока («Мать Лондон»), Фэй Уэлдон («Сердце страны»), Джанет Уинтерсон («Каменные боги») и других, написанных в том числе самими редакторами, уже упомянутой Энн Уайтхед и другими исследователями из разных стран.

Несколько лет спустя под редакцией этих же авторов выходит аналогичная публикация — «Современные нарративы о травме. Лиминальность и этика формы» (2014)¹⁷. В ней вновь собраны статьи литературоведов из разных стран, посвященные изучению травматического опыта с точки зрения лиминальной

¹⁴ Piątek B. History memory, trauma in contemporary British and Irish fiction. Kraków: Jagiellonian University Press, 2014. P. 13.

¹⁵ Craps S. Trauma and Ethics in the Novels of Graham Swift: No Short-Cuts to Salvation. Brighton and Portland: Sussex Academic Press, 2005. 230 p.

¹⁶ Ethics and trauma in contemporary British fiction / ed. by S. Onega and J.-M. Ganteau. Amsterdam: Rodopi, 2011. 330 p.

¹⁷ Contemporary Trauma Narratives. Liminality and the Ethics of Form / eds S. Onega and J.-M. Ganteau. N. Y.: Routledge, 2014. 274 p.

этики в литературе на примере творчества британского писателя Джона Макгрегора (1976) («Даже собаки», 2012), канадских писательниц Маргрет Этвуд (1939) («Орикс и Коростель», 2003) и Анны Майклс (1958) («Осколки», 1996) и других авторов. В книге рассматриваются нарративные стратегии репрезентации травмы, эксперименты со структурой и жанровыми формами.

Продолжая исследовать особенности функционирования травматической проблематики в различных видах литературы, те же редакторы в 2017 году издают коллективный труд «Травма и “романс” в современной британской литературе»¹⁸, в котором анализируют жанр, обозначаемый как *gomanse* (жанр, противостоящий *novel*), в британском литературоведении от готических романов до графических романов ужасов, уделяя внимание в том числе описаниям физической травмы в литературе. К исследованиям произведений уже ожидаемых Питера Акройда, Пэт Баркер, Иена Макьюэна, Джанет Уинтерсон, Сары Уотерс прибавляются статьи по произведениям Адама Торпа, Питера Роша («Нелюбимый: Правдивая история украденного детства», 2007) и других. В этом труде речь идет уже не только о травме, но и о терапевтическом эффекте некоторых произведений, например, одна из глав посвящена терапевтическому эффекту романа «Клоун Шалимар» Салмана Рушди¹⁹. Более того, применительно к роману Питера Акройда «Дом доктора Ди» используется определение «терапевтический реализм»²⁰.

В собственной монографии Жана-Мишеля Ганто «Этика и эстетика уязвимости в современной британской художественной литературе» (2015)²¹ определяются черты такого явления,

¹⁸ Trauma and Romance in Contemporary British Literature / ed. by Jean-Michel Ganteau, Susana Onega. Routledge, 2017. 278 p.

¹⁹ Fortin-Tournès A.-L. From Traumatic Iteration to Healing Narrativisation in *Shalimar the Clown* by Salman Rushdie: The Therapeutic Role of Romance // Trauma and Romance in Contemporary British Literature / ed. by Jean-Michel Ganteau, Susana Onega. Routledge, 2017. P. 203–215.

²⁰ В главе четвертой монографии: Winnberg J. “Redeemed, Now and For Ever”: Traumatic and Therapeutic Realism in Peter Ackroyd’s *The House of Doctor Dee* // Trauma and Romance in Contemporary British Literature / ed. by Jean-Michel Ganteau, Susana Onega. Routledge, 2017. P. 228–244.

²¹ Ganteau J.-M. The Ethics and Aesthetics of Vulnerability in Contemporary British Fiction. Routledge, 2015. 179 p.

как «травматический реализм» (со ссылкой на исследование Майкла Ротберга²²), которое характеризуется следующими чертами: «интенсивное обращение к интертекстуальности; упор на повторение (в различных формах, включая анахронизм, отсюда преследующие и сверхъестественные эффекты); фрагментация (наиболее яркий пример — “Выставка жестокости” Дж. Г. Балларда, как ясно показывает эссе Якоба Уиннберга); или репрезентация психологического дублирования, подтвержденная, например, постоянством мотива Джекила и Хайда в таких романах, как “Стрела времени” Мартина Эмиса, проанализированных Марией Хесус Мартинес-Альфарио)»²³. Здесь заметим: хотя уже несколько исследователей утверждают, что интертекстуальность является чертой литературы о травме, на наш взгляд, это просто одна из наиболее устойчивых черт литературы эпохи постмодернизма, которая присуща едва ли не всем произведениям рубежа веков. Отметим в названии этой монографии термин «уязвимость», который демонстрирует появление нового направления исследований в области травмы в литературе.

Необходимо выделить и коллективную монографию «Современные подходы в литературной теории травмы» (2014)²⁴, редактором которой выступил американский исследователь Мишель Балаев, автор книги «Природа травмы в американских романах» (2012)²⁵. В книге «Современные подходы...» собраны статьи преимущественно американских и европейских исследователей, среди которых наиболее интересны в контексте нашего исследования статьи «Анализ невыразимого в контексте травмы» Барри Стэмфла, «Травма и власть в постколониальных литературных

²² Rothberg M. *Traumatic realism: The demands of Holocaust representation*. Minneapolis; L.: University of Minnesota Press, 2000. 323 p.

²³ Ibid. P. 17: “heavy resort to intertextuality; emphasis on repetition (in various guises, including anachronism, hence haunting and uncanny effects); fragmentation (in the extreme case of J. G. Ballard *Atrocity Exhibition*, as Jakob Winnberg’s essay makes clear); or also the representation of psychological re-doubling — confirmed, for instance, by the permanence of Jekyll-and-Hide motif in novels like Martin Amis’ *Time’s Arrow*, analysed by Maria Jesus Martinez-Alfaro.”

²⁴ *Contemporary Approaches in Literary Trauma Theory* / ed. by Michelle Balaev. Palgrave Macmillan, 2014. 178 p.

²⁵ Balaev M. *The Nature of Trauma in American Novels*. Northwestern University Press, 2012. 168 p.

исследованиях» Ирен Виссер, «Колониальная травма, утопическая плоть, модернистская форма: “Возлюбленная” Тони Моррисон и “Бог мелочей” Арундhati Рой» Грэга Фортера²⁶.

О востребованности и значимости изучения травматической проблематики в современной литературе свидетельствует также и появление научной справочной литературы по проблеме. Например, в 2016 году увидел свет «Междисциплинарный справочник по травме и культуре»²⁷ издательства «Шпрингер», он включает статьи преимущественно израильских и американских специалистов. В 2020 году выходит справочник научного издательства «Раутледж» под редакцией профессоров Колина Дэвиса и Ханны Меритой²⁸, главы в котором написаны уже известными Кэти Карут, Сюзанной Онега, Жан-Мишелем Ганто, Майклом Ротбергом, Стэфом Крэпсом, Робертом Иглстоуном, Люси Бонд, Сэмом Дюраном и другими специалистами в области проблем памяти и травмы, работающими на материале различных национальных литератур.

Отдельные аспекты травматического опыта в литературе также получили подробное освещение в теоретических трудах. Расширение травматической проблематики и ее выход за пределы западного мира обозначен в монографии «Будущее теории травмы: Современная литература и критика культуры» (2014)²⁹, в частности, выход за пределы европоцентризма рассмотрен Стэфом Крэпсом в разделе «За пределами евроцентризма: теория травмы в глобальную эпоху»³⁰, а выход к постколониальной

²⁶ Contemporary Approaches in Literary Trauma Theory / ed. by Michelle Balaev. Palgrave Macmillan, 2014: Barry Stampfl “Parsing the Unspeakable in the Context of Trauma”, p. 15; Irene Visser “Trauma and Power in Postcolonial Literary Studies”, p. 106; Greg Forter “Colonial Trauma, Utopian Carnality, Modernist Form: Toni Morrison’s *Beloved* and Arundhati Roy’s ‘The God of Small Things’,” p. 70.

²⁷ Interdisciplinary Handbook of Trauma and Culture / Y. Ataria, D. Gurevitz, H. Pedaya and Y. Neria. Springer, 2016. 400 p.

²⁸ The Routledge companion to literature and trauma / ed. by C. Davis and H. Meretoja. Routledge, 2020. 480 p.

²⁹ The Future of Trauma Theory: Contemporary Literary and Cultural Criticism / ed. by G. Buelens, S. Durrant and R. Eaglestone. Routledge, 2014. 200 p.

³⁰ Craps S. Beyond Eurocentrism: Trauma Theory in the Global Age // The Future of Trauma Theory: Contemporary Literary and Cultural Criticism / ed. by G. Buelens, S. Durrant and R. Eaglestone. Routledge, 2014. P. 45–60.

проблематике — в четвертой главе. Постколониальной травме также посвящена монография «Постколониальные травмы: память, нарратив, сопротивление» (2015) под редакцией Эбигейль Уард³¹. В ней рассматриваются разнообразные аспекты постколониальной травмы в женской литературе, драматургии, графическом романе, в частности, в монографии есть глава о романах «Дети полуночи» и «Последний вздох мавра» С. Рушди, написанная Альберто Фернандесом-Карбаджалом, который, сравнивая их с романом Э. Форстера «Поездка в Индию» в контексте движения от колониальной к постколониальной травме, выявляет, как расовые и другие границы влияют на личные отношения в произведениях.

В отечественной теории важно упомянуть междисциплинарный сборник статей «Травма: пункты» (2009)³², авторы которого рассматривают травматическую проблематику в том числе и на литературном материале (М. Литовская, М. Липовецкий), и значимые для нас в теоретическом отношении статью культурологов О. Мороз и Е. Сувериной (2014)³³, монографию нижегородского философа и историка Ф. Николаи «Полемика о травме и памяти в американских исследованиях культуры» (2017)³⁴.

Следуя за предшественниками³⁵, отметим важные положения теории травмы. Так, говоря о З. Фрейде как основоположнике проблематики травмы в науке (главный труд для исследователей травмы «По ту сторону принципа удовольствия», 1920)³⁶, С. Онега и Ж.-М. Ганто обозначают конец 1980-х годов как начало исследований травмы в гуманитарных науках и связывают его

³¹ Postcolonial Traumas: Memory, Narrative, Resistance / ed. by A. Ward. Palgrave Macmillan, 2015. 247 p.

³² Травма: пункты: сборник статей / сост. С. Ушакин и Е. Трубина. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 903 с.

³³ Мороз О., Суверина Е. Trauma studies: История, репрезентация, свидетель // Новое литературное обозрение. 2014. № 1 (125). С. 59–74.

³⁴ Николаи Ф. В. Полемика о травме и памяти в американских исследованиях культуры. М.: Флинта, 2017. 184 с.

³⁵ Whitehead A. Trauma Fiction. Edinburgh University Press, 2004. 184 p.

³⁶ Очень важную идею об «инкубационном» или «латентном» периоде между травматическим событием и появлением симптомов травмы Фрейд высказывает в работе «Моисей и монотеизм». Ethics and Trauma in Contemporary British Fiction / ed. by S. Onega and J.-M. Ganteau. Amsterdam: Rodopi, 2011. P. 10.

с «этическим поворотом» в гуманитарной науке в целом и в литературоведении в частности как реакцией на крайние проявления постмодернизма и деконструктивизма, в частности в публикациях Поля де Мана и Ж. Бодрийера³⁷. «Этический поворот» подразумевает, что наука возвращается к признанию значимости этического потенциала литературного произведения³⁸. Исследователи признают связь между возвращением к моральным ценностям и утверждением травматической проблематики в гуманитарных науках. Внимание к Другому становится значимой частью и этого поворота, и исследований травмы в литературе.

Уже Фрейд отмечает такие важные признаки травмированного сознания, как осознание события в качестве травмирующего спустя время после травмы (это касается прежде всего детской травмы, связанной с сексуальностью), то есть отложенный эффект травмы, повторяемость травматической ситуации. Важнейшим открытием Пьера Жане стало обозначение различия между «травматической памятью» и «нарративной памятью» и того, что излечение травмированного сознания начинается, когда пациент в состоянии выстроить разрозненные «вспышки» памяти в единый хронологически последовательный рассказ³⁹. Нарративному аспекту, то есть рассказу пациента, уделял большое внимание и Карл Юнг.

Началом изучения травмы в гуманитарных науках Онега и Ганто считают⁴⁰ сборник эссе «Травма: исследования памяти» под редакцией Кэти Карут, вышедший отдельным изданием в 1995 году⁴¹, где был заявлен принцип мультидисциплинарности по отношению к исследованию травмы и где Карут присоединяет к фрейдовскому подходу лакановский и говорит о травматическом опыте как о таком, который невозможно осознать. В частности, в отношении истории Карут отмечает неспособность человека, пережившего травму, стать свидетелем события в полной мере или свидетельствовать о том, что видел сам, невозможность понять

³⁷ Ethics and Trauma in Contemporary British Fiction. P. 5.

³⁸ Ibid. P. 37.

³⁹ Ibid. P. 12.

⁴⁰ Ibid. P. 13.

⁴¹ Trauma: Explorations in Memory / ed. by C. Caruth. JHU Press, 1995. 277 p.

и запомнить. В более поздней работе «Невостребованный опыт: травма, повествование и история» (1996)⁴² Карут дает дальнейшую оценку фрейдовско-лакановскому периоду развития теории травмы и осуществляет важнейший для теории травмы переход от разговора о травме в контексте сознания к разговору в контексте истории, в частности, о травматическом молчании в истории и возвращении фактов. Кроме того, в этой работе со ссылкой на Поля де Мана Карут раскрывает значение языка тела.

Монография Шошаны Фелман и Дори Лауба «Свидетельство: кризисы свидетельствования в литературе, психоанализе и истории» (1992)⁴³, написанная по результатам работы Лауба с жертвами Холокоста и последующих войн (в частности, войны Судного дня в Израиле), представляет еще один важный аспект в развитии теории травмы, выдвигая понятия «свидетель» и «свидетельство». Дори Лауб выдвигает важную мысль о том, что событие может подменяться в сознании свидетеля его собственной концепцией этого события, где неизбежны пропуски, в частности в рассказе о самом себе. Доминик ЛаКапра внес существенный вклад в развитие теории травмы, определив различия между видами травмы, описываемыми представителями различных областей знания, в частности между исторической травмой и травмой как клиническим случаем, а также определил такие понятия, как «проработка» и «отыгрывание», ставшие значимыми инструментами анализа травматического опыта⁴⁴.

Для нас важнейшим этапом теоретического исследования травмы становятся также работы Джеффри Хартмана, в частности, в труде «О травматическом знании и литературных исследованиях»⁴⁵ он отмечает, что современное общество не в состоянии принять и выразить боль и, возможно, вся культура

⁴² Caruth C. Unclaimed experience: Trauma, Narrative and History. London: The Johns Hopkins University Press, 1996. 154 p.

⁴³ Felman Sh., Laub D. Testimony: Crises of Witnessing in Literature, Psychoanalysis and History. N. Y.: Taylor & Francis, 1992.

⁴⁴ LaCapra D. Representing the Holocaust: History, Theory, Trauma. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1996. 248 p.; LaCapra D. Writing History, Writing Trauma. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2001. 226 p.

⁴⁵ Hartman G. On Traumatic Knowledge and Literary Studies // New Literary History. 1995. Vol. 26, № 3, Higher Education. P. 537–563.

человечества — это результат травматического опыта. В другой работе Хартман впервые высказывает важнейшую для нас мысль о том, что при молчании общества именно **литература дает фундаментальную возможность сделать рану воспринимаемой, а тишину — слышимой**⁴⁶. Существенную роль литературы отмечает и Джеффри Александер: «Эти остатки воспоминаний поднимаются на поверхность через свободные ассоциации в психоаналитической практике, подобно тому, как они входят в социальную жизнь через создание литературных произведений. Поэтому неудивительно, что литературная интерпретация, с ее герменевтическим подходом к символическим структурам, предлагается как своего рода академический эквивалент психоаналитического вмешательства»⁴⁷.

Важные изменения в теории травмы произошли с внедрением идей Джеффри Александера⁴⁸, который демонстрирует критический подход к идеям предшественников, называя их «натуралистическими», созданными с позиции философии Просвещения, и, по сути, описывает травму как «воображаемое» событие (по аналогии с «воображаемыми сообществами» Б. Андерсона): «Травма есть свойство, приписываемое событию при посредстве общества. Это свойство может приписываться событию в режиме реального времени, по ходу его осуществления; оно может приписываться событию до того, как оно произошло, в качестве его предзнаменования, или после того, как событие завершилось, в качестве реконструкции *post hoc*. По сути, иногда глубоко травмирующие события могут и вообще не происходить в действительности; тем не менее такие воображаемые события могут быть столь же травмирующими,

⁴⁶ Hartman G. Trauma Within the Limits of Literature // *European Journal of English Studies*. 2003. Vol. 7, Is. 3. P. 257–274. P. 259: “Literary verbalization, however, still remains a basis for making the wound perceivable and the silence audible.”

⁴⁷ Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // *Социологический журнал*. 2012. № 3. С. 13.

⁴⁸ Alexander J. C., Eyerman R., Giesen B., Smelser N. J. & Sztompka P. *Cultural Trauma and Collective Identity*. Berkeley, CA: University of California Press, 2004; Alexander J. C. *The meanings of social life: A cultural sociology*. N. Y.: Oxford University Press, 2005. P. 85–108.

сколь и те, что на самом деле имели место»⁴⁹. Александер называет травму, описываемую таким образом, «культурной травмой» и говорит, что ее главным свойством является «резкое смещение упорядоченных смыслов сообщества»⁵⁰, которые «резко и пагубно повлияли на коллективную идентичность»⁵¹.

В теории травмы достаточно рано появляется первичная классификация, подразделяющая травму на коллективную и индивидуальную. Обратимся к классическому определению: «Под индивидуальной травмой я понимаю удар по психике, который прорывается через защитные механизмы человека столь неожиданно и с такой грубой силой, что на него невозможно действительно среагировать. <...> С другой стороны, под коллективной травмой я понимаю удар по основной ткани социальной жизни, который нарушает узы, удерживающие людей вместе, и ограничивает преобладающее чувство общности. Коллективная травма проникает в сознание людей, которые ее переживают, медленно и даже коварно, поэтому у нее нет свойства неожиданности, которое обычно ассоциируется с “травмой”. Но это все равно разновидность шока, это постепенное осознание того, что сообщество больше не существует как эффективный источник поддержки и что исчезла важная часть “Я”. <...> “Мы” больше не существует в качестве связанной между собой пары или в качестве связанных клеток в большом теле сообщества»⁵². Итак, важная особенность коллективной травмы, отмеченная здесь, — отложенность по времени и постепенный характер ее осознания. Эта отличительная черта в полной мере сказалась в восприятии культурой главного травмирующего события второй половины XX века — Второй мировой войны. Мы рассматриваем коллективную травму в контексте исследований Дж. Александера и Р. Айермана как культурную травму, которая имеет свои особенности, в частности: «Понятие культурной травмы предполагает, что непосредственное переживание события не является

⁴⁹ Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность. С. 16.

⁵⁰ Там же. С. 18.

⁵¹ Там же. С. 17.

⁵² Erikson K. Everything in Its Path. Destruction of Community in the Buffalo Creek Flood. N. Y.: Simon and Schuster, 1976. P. 153–154.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru